

А
647

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Ш. РУСТАВЕЛИ

На правах рукописи

Х. А. ДЗУЦЦАТИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ОСЕТИНСКОЙ
СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

642 — Литература народов СССР

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

4

Т Б И Л И С И

1970

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. Ш. РУСТАВЕЛИ

На правах рукописи

Х. А. ДЗУЦЦАТИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ОСЕТИНСКОЙ
СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

642 — Литература народов СССР

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Т Б И Л И С И
1970

Работа выполнена в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте АН ГССР.

О ф и ц и а л ь н ы е о п п о н е н т ы:

1. Доктор филологических наук Н. Г. Джусойты.
2. Кандидат филологических наук В. Д. Жгенти.

Ведущее научное учреждение — Юго-Осетинский государственный педагогический институт им. К. Хетагурова.

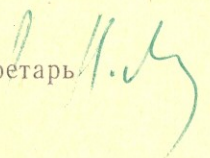
Автореферат разослан «2» ноября 1970 г.

Защита диссертации состоится «3» декабря 1970 г.
в Институте истории грузинской литературы им. Ш. Руставели.

Адрес: г. Тбилиси, ул. Ленина, 5.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели.

Ученый секретарь

Р. С. Кобидзе

В истории осетинской литературы период Великой Отечественной войны составляет целый этап, идейно-эстетическую значимость которого трудно переоценить. Произведения, которые были созданы в этот период, явились крупным шагом вперед в развитии осетинской литературы.

В годы войны ярко и всесторонне выступило главное качество нашей литературы — ее кровная, неразрывная связь с жизнью народа. На фронтах войны с оружием в руках дрались и создавали художественные произведения осетинские поэты Гафез, Грис Плиев, Хазби Калоев, Георгий Кайтуков, Борис Муртазов, Давид Дарчиев, Харитон Плиев, Реваз Асаев, Максим Цагараев, Георгий Дзугаев, Мухарбег Кочисов, Михаил Цирихов, Дзамболат Басиев, Коста Маргиев и др. Тема войны властно вошла и в творчество тех поэтов, которые не участвовали в войне, но всем своим существом разделяли суровую судьбу своего народа. К ним относятся Нигер, Барон Боциев, Татари Елхиев, Андрей Гулуев, Дабе Мамсуров, Александр Царукаев и др.

До сих пор наша поэзия не оставляет военную тематику, наоборот, все глубже и разносторонней разрабатывает ее. Это диктуется не только стремлением полнее отразить правду того трагически трудного времени. Отечественная война — не просто незабываемое наше прошлое. Нравственный и идеологический опыт войны и сегодня вооружает новые поколения советских людей. Реалистически неприкрашенное, многогранное изображение войны в поэзии наших дней вызывается, с одной стороны, глубоким осмыслением войны с позиций мира, с другой — страстным утверждением коммунистических идеалов в острой схватке с идеологией империализма.

В диссертации рассматриваются все произведения осетинской поэзии, написанные об Отечественной войне. Автор исследовал и использовал также все материалы, имеющиеся в осетинской периодической печати.

Об осетинской военной поэзии был написан ряд статей обзорного характера. В них есть верные критические оценки некоторых произведений и творчества отдельных поэтов, но они не показывают картины военной поэзии в целом, ее идейно-художественной структуры в развитии, не обобщают ее опыт. Данная работа —

первая попытка дать полный и всесторонний анализ осетинской поэзии об Отечественной войне.

Актуальность научной разработки данной темы определяется не только идейно-политическим значением поэзии о войне, но и ее художественно-эстетической направленностью. Продолжив лучшие традиции прошлых лет, поэзия о войне в свою очередь создала традиции, которые нужно оберегать, развивать и обогащать. По сравнению с довоенной поэзией в ней углубились новаторские поиски создания художественного образа новой действительности и нового человека, положительного героя нашего времени, вступили в более тесное единство общенародное, общегосударственное и личное, индивидуальное, обрело свой подлинный смысл понятие актуальности — она не только в тематике, но и в эстетической ценности произведения. Успешному продвижению осетинской поэзии к полнокровному, действенному реализму значительно способствовало творческое усвоение художественного опыта братских литератур советских народов.

В диссертации на материале и фактах военной поэзии рассматриваются проблемы, имеющие важное значение в современной художественной практике осетинских поэтов. Это — традиции и новаторство, «правда факта» и «правда века», классовый гуманизм и абстрактное человеколюбие, взаимоотношения лирики и эпики, народно-фольклорное изображение и современное художественное мышление, реалистическое и романтическое начала в поэзии и т. д. Большое внимание уделяется многообразию форм и жанров, их становлению и развитию.

1. Правда войны и правда поэзии

Великая Отечественная война «явилась и тягчайшим испытанием и школой мужества».¹ Все советские народы под руководством Коммунистической партии смело и сплоченно встали на защиту своей священной социалистической Родины.

В Отечественной войне прямо или косвенно принимал участие весь исторический опыт осетинского народа, в особенности его военный и художественный опыт. Историческая жизнь осетинского народа проходила в непрерывных сражениях, но осетины в то же время высоко ценили в человеке художническую одаренность. Не случайно были им одинаково дороги меч и фандыр (лира). По верному определению В. И. Абаева, «меч и фандыр — это как бы двойной символ нартского народа».²

В годы войны вновь ярко заблистала основная идея нартско-

¹ Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», журнал «Коммунист», 1970, № 1, стр. 15.

² В. И. Абаев. Нартовский эпос. Известия СОНИИ, Дзауджикау, 1945, стр. 75.

го эпоса — только в борьбе за свободу и независимость проявляет народ все величие своих духовных сил. Большое воздействие на умы и сердца воинов имели народно-героические песни, основной пафос которых выражен в чеканной формуле: «Или свобода, или смерть!» Особенно громко и страстно звучал голос великого Коста Хетагурова. Он требовал от каждого не отдавать ни пяди родной земли чужеземным поработителям, ибо

...лучше умереть народом
Свободным, чем кровавым потом
Рабами деспоту служить.

Вновь доказали свою жизненность и непреходящую ценность произведения крупнейших представителей осетинской поэтической классики Темура Мамсурова, Сека Гадиева, Цомака Гадиева, Созура Баграева, Мысоста Камбердиева и др., революционный и патристический пафос творчества которых был долгие времена современен, злободневен.

Героико-патристические мотивы осетинской поэзии расширялись и углублялись в 30-е годы. Воспевая исторические успехи социалистической индустриализации и коллективизации, утверждая новый уклад жизни, наши поэты в своем творчестве постоянно обращались к оборонной и интернациональной тематике, что непосредственно диктовалось приближением второй мировой войны.

Перед началом войны в поэзии существовал своеобразный психологический и идеологический стереотип — думали, что все пойдет по заранее намеченному плану: враг будет разбит одним ударом, на своей территории, ценой «малой крови». А на самом деле война оказалась долгой и тяжелой, она внесла резкий корректив в представления людей. «И этот корректив нам надо было не только *понять*, но и *почувствовать*», — говорил А. Сурков в творческом отчете на заседании военной комиссии СП 12 июля 1943 г. Тогда же он справедливо отмечал, что «это было университетом нашей гражданской и поэтической зрелости», ибо «война научила нас реалистическому отношению к тому, что происходит в жизни, и тем открыла нам путь к сердцу читателя», «война заставила всех людей мыслить по-иному, чем они привыкли в мирное время».¹

В годы войны лучшие из наших поэтов выступили истинными патристами и настоящими мастерами своего дела, поэзия их обрела качества гражданского мужества, мысль раздвинула свои границы. Война поставила их в такие обстоятельства, что нельзя было не смотреть в лицо жизни и смерти трезво и реалистически. «Осетинские поэты, — писал Гафез, — находясь в пекле войны.

¹ Литературное наследство. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны, т. 78, книга первая, «Наука», М., 1966, стр. 332-336.

вражеской пули его жизнь и песня, то пусть скажут матери поэта, что сын ее погиб героически, любил Осетию, как свою мать. Максимализм строк М. Кочисова не воспринимается как декларация, потому что сполна оплачен кровью, между жизнью и стихами нет ни малейшего расхождения.

Поэты, писавшие о войне, были разными и по манере письма, и по силе таланта, но сходились в одном: они обогатили осетинскую поэзию реалистической детализацией, изображением вещности и материальности повседневной солдатской жизни. В их стихах — бесхитростные будни войны (солдатский костер, солдатская пища, одежда, дружба) и внутренний мир солдата, его думы и мечты, радость и печаль. Конкретно-реалистическое видение сопрягается с проникновенным лиризмом.

Устами поэтов говорит грозная действительность. Даже простое описание фашистских злодеяний вызывает гнев сердца. Во имя большой любви к жизни поэзия во весь голос подняла песню ненависти. В осетинской поэзии военных лет определился тип стихотворения: сначала конкретно и точно дается картина зверства, насилия, затем следует вытекающее из описанной картины лирико-публицистическое обобщение, вызывающее к ярости и мести.

Ради своей высокой гуманистической цели советский солдат не щадил не только врага, но иногда и красоту родной природы. Солдат Х. Плиева видит, как его конь под ногами топчет цветы, у них сиротливый и горестный вид. «Я не хочу вас обижать, и вы простите меня, цветы», — говорит поэт. Противоречивое чувство движет им: он жалеет цветы, но не топтать не может — суровая необходимость не дает иного выхода.

Вопрос гуманизма на войне сложен и многогранен. Решать его с позиций абстрактного человеколюбия нельзя. Безусловно, в годы войны наших поэтов волновали общечеловеческие проблемы — жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть, правда и ложь, мужество и страх, верность и коварство — и каждый настоящий поэт решал их в меру своего таланта и мастерства. Эти «вечные» проблемы придают поэзии философскую глубину и масштабность мысли.

Но перечисленные нравственные понятия свое реальное содержание получали от конкретных условий войны, от практических задач защиты Родины и разгрома фашистской армии, от борьбы за наши коммунистические идеалы. Иначе бы мы не имели произведения, отвечавшие требованиям времени, способствовавшие развитию художественного мышления народа.

Стоя на позициях классово-коммунистического гуманизма, поэзия показывает не только трагедию народа и его беспримерный героизм, но и презренный, антигуманистический образ мышления и поведения врага; показывает не только лирико-публицистическими средствами, но и всеми возможностями многокрасочной палитры смеха, юмора и сатиры. Этим качеством поэзия,

с одной стороны, выражает неистощимый оптимизм народа, с другой — утверждает моральное превосходство советского человека над носителями фашистской идеологии. По-народному грубоватыми, резкими характеристиками пользуются Б. Боциев в дуэте-диалоге парня и девушки «Смело отправлюсь в бой», А. Кочоев в стихотворном фельетоне «Чудище», Т. Епхийев в «Благodarственном послании насекомым Гитлеру», М. Шавлохов в стихотворении «Зверь попал в капкан» и др. Широковещательное бахвальство гитлеровцев, величание своей армии «непобедимой», кичливая пропаганда «молниеносного удара», спесь фашистских лидеров, крах их бредовых планов и надежд в ходе войны — все это давало бесценный материал для сатирической поэзии.

Сатирическому осуждению подвергаются не только наши прямые враги, но и те отрицательные типы, которые не достойны времени, предадут коммунистические идеалы, не способны выполнять свой гражданский долг. В обличительных стихотворениях А. Царукаева, Г. Плиева, Гафеза и др. соседствуют пафос и ирония, гневная патетика и острый сарказм.

Осетинская поэзия к правде войны подходит разносторонне, раскрывает сильные, благородные, героические черты характера советского человека и в военных действиях, и в труде, и в раздумьях о Родине; выявляет его взгляд на мир, человечество, его чувства к боевым товарищам, семье, любимой женщине; его ненависть к врагам и т. д. Правда войны — это не только правда «окопа», правда «отдельного факта». Она заключается в правде всей войны, в правде жизни и времени. В иной трактовке художественная правда выглядит бы односторонне, ограниченно. «Отдельное, — учит В. И. Ленин, — не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее».¹ Такая диалектическая взаимосвязь конкретного и общего, маленькой и большой правды — непеременимое условие подлинной идейности и художественности искусства социалистического реализма.

II. Национальный и интернациональный опыт в поэзии

В совокупности высоких свойств характера советского человека одно из ведущих мест занимает патриотизм — чувство любви к Родине, своему народу, национальным обычаям, традициям, языку, культуре. Это одно из «наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отчуждением».²

Социалистический патриотизм тесно связан с интернационализмом. Он ставит и решает не только национальные, но и ин-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

² Там же, т. 37, стр. 190.

тернациональные задачи. «Подлинно национальные идеи, — писал Ф. Энгельс, — в то же время всегда являются и подлинно интернациональными идеями».¹

Национальное и интернациональное, находясь в постоянном взаимодействии, обогащают и углубляют друг друга. Существует две крайности, которые одинаково опасны и вредны как для национального, так и для интернационального. Это, с одной стороны, замыкание в национальной скорлупе, преувеличение значения собственной национальной культуры, игнорирование инонационального художественного опыта, с другой — нигилизм, равнодушие к национальной истории и языку, культурному наследию и передовым традициям своего народа. С этим связано и правильное понимание проблемы традиции и новаторства, диалектико-поступательного движения художественного творчества.

В борьбе с фашизмом советские люди защищали свое сегодня и завтра, защищали также минувшие времена. Вот почему поэзию о войне пронизывает живое чувство историзма, видим в ней исторические ассоциации, параллели, аналогии. Обращение к памяти великих предков стало духовной потребностью борющегося народа.

Воскрешение героического и революционного прошлого было характерно для всех национальных литератур народов СССР. Взять, к примеру, грузинскую литературу, максимально приблизившую историю к современной судьбе народа. В ней «далекое прошлое перекликалось с настоящим».² В поэме Григола Абашидзе «Непобедимый Кавказ» прошлое и настоящее действуют рядом, бок о бок, образ советского воина-грузина органически связывается с образами Амирани, Горгасали и др. «Обращаясь к историческому прошлому, — говорит поэт в автобиографии, — я пишу о людях, мысли которых как бы перекликаются с мыслями моих современников».³

Без развитого национального самосознания всегда сомнительна полноценность личности. В завьюженных окопах, под градом горячего свинца, на чужбине солдат-осетин не расстается с образом родного края. Осетия является для него совестью и запятнать ее он боится больше самой смерти. В самый трудный час, перед атакой, мысли солдата уносятся в Осетию, которая дает ему мужество и надежду, как земля Антею. Чувством национальной гордости, кровной привязанности к дедовской земле, к ее горам и полям, рекам и лесам окрылены стихотворения Гафеза, Г. Плиева, Н. Джусойты, Г. Дзугаева, Д. Дарчиева, М. Цирихова и др.

Национальная гордость — чувство, неотделимое от стремления к дружбе и сотрудничеству с другими народами. Перу осетинских поэтов принадлежит целый ряд замечательных стихов, посвященных России, Украине, Грузии, Белоруссии и другим республикам («Москва» Н. Джусойты, «Родина Тараса» И. Плиева, «Русская береза» Г. Дзугаева, «Киев наш» М. Шавлохова, «Кубань» Р. Асаева и др.). Расширилась поэтическая география и за счет стихов о боевом побратимстве сынов разных народов («Два друга» И. Плиева, «Другу-грузину» Б. Муртазова, «Братья» А. Царукаева, «В окопе» Г. Плиева, «Баллада о двух товарищах» Гафеза и др.). Чувство семьи единой солдат-осетин пронес через всю войну в чистоте и неприкосновенности.

Нация с развитым самосознанием из культур других народов воспринимает такие черты, которые возвышают, совершенствуют и обогащают ее собственную культуру, способствуют глубокому и всестороннему проявлению собственных духовных возможностей.

В годы Отечественной войны, когда осетинская поэзия делала новый шаг вперед, она вплотную подошла к использованию опыта русской современной поэзии. В этом важном деле имело место и механическое подражание, некоторые произведения, несмотря на отдельные национально-самобытные штрихи, получались как вольные переложения с русского языка. Критика отмечала и осуждала эти факты. Но, по нашему мнению, к вопросу нужно подходить с иной точки зрения. Овладевая конкретно-реалистическим видением, присущим русской поэзии, усваивая ее разносторонний опыт, осетинские поэты в отдельных произведениях оказывались в роли подражателей. Это было временным явлением на сложном пути поэтических исканий, обнаружения своего индивидуального «я», это были издержки в процессе приобщения поэзии к современному реализму.

Осетинская поэзия в своем развитии многим обязана украинской, белорусской, азербайджанской, армянской и другим литературам. Особенно сильно ощутима ее связь с грузинской поэтической культурой. Творчество Г. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, А. Мирцхулава, Г. Абашидзе и др., богатое содержанием и блистательно образное, служило школой мастерства для многих осетинских поэтов. Из грузинских стихов, имевших наибольшее влияние на осетинскую поэзию, следует назвать «Капитан Бухаидзе» И. Абашидзе. Его лирико-монологическая форма, исключительно доходчивая и сердечная, угадывается в стихах Р. Асаева, И. Плиева и др., в которых явно стремление выразить духовный мир живых и мертвых солдат.

Творческая учеба у мастеров родной и инонациональных литератур, на наш взгляд, — один из надежных путей к новаторским открытиям в содержании и форме национальной литературы. Совершенно справедливы слова Ованеса Туманяна: «Влияние —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33, стр. 374.

² См.: А. Барамидзе, Ш. Радиани, Б. Жгенти. История грузинской литературы, Тбилиси, 1958, стр. 380-381.

³ Г. Абашидзе. Стихотворения и поэмы, ГИХЛ, М., 1961, стр. 8-9.

это ступень, по которой... взбираются к вершинам оригинальности».¹

В осетинской военной поэзии широкое распространение получил жанр баллады. И это понятно: действительность войны дает бесконечное множество напряженных, острых сюжетов, необычайно драматических ситуаций. Баллада — поэтическая новелла — обращается к документальным и вымышленным героическим подвигам. Традиция тихоновской баллады — «скорость голая» — активно воспринята осетинскими поэтами. Эта «скорость голая» дает о себе знать в балладах А. Царукаева «Советский летчик» и «Горская девушка», К. Маргиева «Лесник», Р. Асеева «Отец и сын». Они сильны описанием героического случая, сжатостью и лаконичностью сюжета. Но осетинская баллада жива не только нагнетанием темпа, исключительностью и напряженностью сюжета. Ей свойственны также лирическая рефлексия, философское размышление об окружающем мире, неторопливое, спокойное течение. Таковы баллады «О чем говорил дуб» Т. Епхиева — раздумье о храбром человеке и храброй крови, «В роще» и «Родник» К. Маргиева — о судьбе солдата, бежавшего из фашистского плена, и о горькой доле девушки, потерявшей на фронте своего любимого.

Сюжет, действие, эпика истари характерны для устного творчества осетин. Исторически осетинский народ больше был привержен к эпической эстетике. Такие высокие человеческие качества, как храбрость, красота, верность, любовь и т. д., в нартском эпосе раскрывались исключительно через действия героев. Однако это не значит, что осетинскому эстетическому миропониманию чужда лирика, особенно в эпоху, когда культурный взаимообмен стал для каждой нации жизненной реальностью.

Справедливости ради надо сказать, что не критическое следование осетинской эпической традиции без учета современной художественной практики — порой в силу незрелости таланта, иногда из-за недостатка мастерства у некоторой части поэтов — уводило от решения злободневных поэтических задач, от убедительного показа образа советского воина.

Героизм советских людей неизменно вызывал восхищение, подвиги, совершаемые ими, не имели себе равных в истории человечества. Надо прославить их художественным словом, «прописать» их в литературе навечно, подобно героям-нартам. И некоторым поэтам казалось, что это благородное желание легко можно осуществить, работая в русле традиций народного эпического образотворчества, следуя приемам и средствам изображения нартских героев.

¹ О. Туманян. Избр. произведения в двух томах, т. II, ГИХЛ, М., 1960, стр. 252.

О славных сынах Осетии, Героях Советского Союза Хадзымырза Мильдзихове и Василии Чочиеве написали поэмы Б. Бочиев («Богатырь Хадзымырза») и М. Шавлохов («Воин-богатырь»), где наши современники наделяются необычными, сказочно-идеальными и условно-романтическими чертами.

Схематичность, искусственность героя усугубляется столь же схематичным, приблизительным изображением боевых операций, батальных сцен. Перед глазами читателя предстает не современная война, а древнее фольклорное побоище. Понятно, что облачение воинов в пышные одежды сказочных удалцов и традиционно-эпическое описание военных действий не приближают поэзию к правде войны. В поэме «Завещание» Васо Бегизова герой Битар не уходит на фронт, пока немцы не переступили порог Осетии. Тоже самое видим и в поэме Т. Епхиева «Клич белоголового Казбека». Получается так, что война для Осетии началась не со всем советским народом. Под гипнозом старозаветной традиции иные поэты уходили от условий реального своего существования в атмосферу далекой древности, в идейно-художественный мир нартов.

Верная ориентация в традициях и творческое их применение — показатель современной позиции поэта. До войны Нигер писал, что «если бы художественность нартских сказаний достаточно повлияла на осетинскую литературу, то сильно выросли бы ее значимость и вес».¹ Как должно было произойти это влияние конкретно, показывают военные стихи самого Нигера. Поэт обостренным художественным чутьем понимал, что поэтическое освоение современного материала невозможно средствами нартского эпоса, что идущее из древности должно стать личным и личностным, органически войти в сердце художника, вступить в симбиоз с современностью.

Принимая народную боль как свою собственную, Нигер одинаково сильно чувствовал и выражал душу и тех, кто воевал на фронте, и тех, кто трудился в тылу. Почти все его военные стихи — трагико-лирические монологи: девушка обращается к брату-воину («Обращение сестры»), девушка обращается к воину-возлюбленному («Осетинская песня»), солдат перед смертью обращается к родной стране («Завещание умирающего воина»), солдат с поля сражения обращается к любимой девушке («С поля битвы»), поэт сам грозит врагу («Постой, погоди»), обращается к своим младшим, проливающим кровь на войне («Днем не греет меня солнце»), призывает молодежь Осетии к мести («Песня о германской войне», «Призыв») и т. д. Эти монологи разных людей идут одновременно от сердца разных людей и самого поэта. Они

¹ Иван Джанаев (Нигер). Нартские сказания, Орджоникидзе, 1941, стр. 32.

по существу являются единым страстным монологом народа и поэта.

Нигер с присущей ему лирической мощью показывает трагизм войны, непокорность народа. Его любовь и ненависть, его поэтическое сознание и видение вырастают из глубоких корней национальной психологии и общенародной правды.

Поэзия Нигера многим поэтам указала путь к правильному использованию фольклора. Влияние ее наглядно прослеживается на примере творческих поисков Г. Дзугаева. В последнее время он вернулся к темам, мотивам, мыслям стихов, написанных им в годы войны, стихов, принципиально отличающихся от своих поздних вариантов. Если раньше поэт общими фольклорными средствами иллюстрировал общие истины, то теперь — и этим он обязан Нигеру — чувства и мысли его приобрели конкретность, зримость, проделали путь от общего фольклоризма к народно-индивидуальному лиризму. В таких стихах, как «На поле брани», «Далек мой окоп от Осетии», «Снова пришла весна», мы видим реальность войны и душевное богатство советского солдата.

Традиция — будь она нартская, лиро-эпическая, классическая, своя родная или инонациональная — всегда должна вести к новаторству. Иначе традиция остается традицией, поэзия вынуждена топтаться на месте. «Надо идти вперед, — дружески советовал Н. Тихонов своим осетинским собратьям, — надо искать и расширять найденные новые поэтические возможности. Советские люди — новые богатыри — должны найти свое место в новой песне, в новом эпосе, не похожем на древние сказания о нартах!».

III. Современный эпос и повести в стихах

События Великой Отечественной войны требовали отражения в произведениях эпического размаха. Глубинное выявление духовной сущности народа, его героического характера, его нравственного и эстетического идеала в объективных образах возможно было лишь в обширных повествовательных формах. И осетинские поэты, за редкими исключениями, пробовали свои силы в жанре поэмы и повести в стихах.

В истории осетинской поэзии жанр поэмы имеет богатую традицию. И романтическая и реалистическая поэмы получили значительное развитие в творчестве К. Хетагурова, А. Кубалова, С. Гадиева, Нигера, Г. Баракова, М. Камбердиева, Х. Плиева и др.

Романтические поэмы о войне многими своими особенностями восходят к народно-фольклорным сказаниям. В лучших из них

традиционная форма нейтрализована материалом новой действительности, современными приметами бытия, реальным жизненным опытом поэтов. В диссертации подробно рассматриваются романтические поэмы «В лесу» Гафеза, «Мстителю» М. Цирихова, «Пир ущелья» И. Плиева, «Метель» Д. Дарчиева, раскрывается их органическая связь с традицией романтической поэмы А. Кубалова и Нигера.

В ряду романтических поэм о войне особняком стоит «Одинокий» Г. Плиева. На первый взгляд она напоминает поэму М. Лермонтова «Беглец»: Гарун бежал с поля брани, с фронта Отечественной войны под крышу родного дома прибежал и герой Г. Плиева Габи. Но на этом кончается параллель и выявляется резкая противоположность характеров.

Гарун и Габи — оба трусливо бежали «в страхе с поля брани». Гаруна отвергли все — друг, любимая, мать, а Габи приютила и укрыла в подземелье родимая мать. Гарун — романтический герой, и, убедившись в постыдном смысле своего поступка, идет на самоуничтожение. Габи — сатирический тип, он нищ духом, угрызения совести ему неведомы. Он не достоин жизни и умер в своем убежище спустя шестнадцать лет после войны.

Габи — одинок как позорное исключение. Г. Плиев аналогично с Гаруном, как и с образом Одинокого, популярном в осетинском фольклоре, проводит сознательно. И если Габи в отличие от Гаруна тип жалкого труса, не знающего иных эмоций, кроме инстинкта самосохранения, то в отличие от фольклорного Одинокого, трагизм которого порожден глубочайшими социально-историческими противоречиями, он одинок в силу своей психологической, нравственной и интеллектуальной неполноценности. Обе литературные параллели помогают поэту обнаружить всю глубину падения Габи. Третья параллель уже чисто публицистического характера: поэт вспоминает героическую гибель Николая Гастелло, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Енвера Ахсарова и читателю внушается мысль о том, что Габи предал героев, если не названных, то подобных им.

Литературные параллели оправданы еще и тем, что Габи сам виршеплет и где-то на периферии его сознания естественно должны всплывать образы Одинокого и беглеца Гаруна.

К теме бегства «с поля брани» вплотную примыкает тема плена. Весьма показательна в этом плане поэма Гафеза «Песнь бытия». Лежит на поле битвы солдат с перебитыми ногами. Он перед дилеммой: сдаться в плен или пустить себе пулю в лоб. В этой ситуации ему кажется, что только смерть избавит его от позора. Он вспоминает прожитое, далекую родину — Осетию, самые радостные дни жизни, но все это он теперь отодвигает на второй план: они зовут к жизни, а он выбрал смерть. Обостренным зрением он видит пядь земли вокруг, — волнуется шелкови-

стая трава, тихо покачиваются красные чаши маков, колесом пушки раздавило гнездо муравьев, стрекозу прибило к камню. Но и эти приметы жизни он отводит как искус, ибо жизнь теперь равнозначна позору, только смерть — избавление от позора. И он славит смерть.

Иное решение принял герой поэмы Г. Плиева «Тост» — Мирза Дигуров. Он свою последнюю пулю пустил в подбежавшего врага. Свое решение он мотивирует просто, но убедительно: еще один убитый враг — последняя услуга родной стране. Если же он выживет в плену, то сумеет еще постоять и за себя и за свою Родину.

Судьба Мирзы так и сложилась. Он сумел бежать из фашистского плена, примкнуть к французским партизанам и до конца войны бить ненавистных врагов на французской земле.

В поэме злоключения героя описаны в шутовском ключе. Ритмико-интонационный строй четырехстопного хорея пронизан то незлобивым юмором, то иронией. Повествование ведется на мажорно-лирической волне, словно автор и герой весело прощаются с пережитыми бедами.

Тему чести и бесчестия воина, пережившего трагедию плена, разрабатывает и поэт К. Маргиев в поэме «Дороги жизни». Родина должна относиться к своим верным сынам справедливо — такова центральная мысль поэмы.

И еще в одной поэме трагизм войны исследуется в его самом страшном проявлении — в фашистской неволе. Это поэма Г. Дзугаева «Тучка». Раненый солдат попал в плен и сожжен в печах Бухенвальда. Он стал клочком дыма, тучкой, «вечной странницей» над землей. И по ночам он шепчет людям — и мертвым, и живым — свою печальную повесть. Он, странствуя над землей, видит, что война все еще не стала историческим воспоминанием. С одной стороны, живы еще люди, чьи тела и судьбы искалечены войной, а с другой — мир в тревоге перед опасностью атомной катастрофы.

Г. Дзугаев всегда предпочитал эпически объективное изображение действительности, или романтически необычные сюжеты и характеры. В его поэмах, как правило, тщательно продуманные сюжеты, являющиеся сами по себе концепцией действительности, довольно полно выявляющие изображаемые автором характеры. Поэма «Тучка» — исключение из этого правила. Переход поэта на сторону лиризации сюжетной структуры поэмы свидетельствует об общих тенденциях жанра поэмы в осетинской поэзии.

Эти общие тенденции в конечном счете сводятся к лиризации жанра, не к отрицанию событийного сюжета, а к возвышению лирического начала в лиро-эпическом жанре. В более развитых литературах этот процесс начался, видимо, давно. Об этом свидетельствует и признание М. Лермонтова:

Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок.

В 50-е годы этот вопрос занимал всю советскую писательскую общественность, очевидно, потому, что речь шла о дальнейших путях развития жанра поэмы. Так, большой мастер грузинской поэзии, автор знаменитой поэмы о Давиде Гурамишвили Симон Чиковани писал: «Некоторые критики считают, что схематизмом страдают только лирические поэмы, а так называемые фабульные всегда художественно полнокровны. К сожалению, в современных сюжетных поэмах мы находим немало схематичных образов, нетворчески заимствованных из фольклорного арсенала. Стилизация лишает такие поэмы живой силы эмоционального воздействия, читатель не запоминает ни сюжета, ни героев произведения».¹

Осетинская поэзия о войне располагает рядом повестей в стихах. Среди них наиболее удачная — «Дочь гор» Гафеза. Повесть состоит из четырех частей, из которых первая посвящена предвоенному времени, в остальных описываются драматические судьбы людей в годы войны.

Первая часть повести выполнена в нарочито мажорной интонации с тем, чтобы составить резкий контраст собственно военной части произведения. Война разрушила почти все счастье Аминат и Аузби. Муж ушел на фронт со своим неразлучным другом Хазби, жена осталась в родной деревне мыкать горе и беды войны.

Много испытаний выпало на долю неопытной в практической жизни Аминат. Но она все вынесла, из всех испытаний вышла победительницей.

Правда, поэту не всегда удается сделать трудовые подвиги и служебное возвышение героини ступенями ее духовного роста, поступательного движения ее характера. Отсюда — грех описательности в некоторых частях повести.

«Дочь гор» была первой в осетинской поэзии повестью в стихах, в которой автор попытался, и довольно удачно, показать трудовые будни в Осетии. Критика встретила ее благожелательно и она была права, если иметь в виду, что «Дочь гор» явилась конкретно реалистическим изображением осетинской действительности военных лет на фоне многих народно-фольклорных и условно-романтических поэм.

В исследовании анализируются идейно-художественные особенности стихотворных повестей «Капля крови» Р. Асаева, «Путник» и «Бимболат» Г. Кайтукова, «Крылатые думы» Гафеза. Во многих местах они поверхностно описательны и иллюстративны,

¹ Симон Чиковани. Мысли, впечатления, воспоминания, «Сов. писатель», М., 1968, стр. 17-18.

но в них явно стремление к реалистическому изображению многогранной действительности военного времени, к органическому слиянию эпического и лирического начал. Так, например, нехитрый сюжет повести «Крылатые думы» пронизан лирико-философскими размышлениями, четко и выпукло обнажающими контрастную сущность двух типов убеждений, идеалов, психики и морали — фашиста Зуммера и советского воина Ахсара.

Осетинские поэмы и стихотворные повести, если брать их в процессе развития, отчетливо выявляют основные черты современного состояния осетинской поэзии в целом. Там, где в идейно-стилистическую структуру поэмы и повести властно входят лучшие особенности современной лирической поэзии (конкретно-реалистическое видение действительности, подлинный лиризм, глубокий психологизм и драматизм содержания), художественный уровень произведений оказывается непременно высоким. И, наоборот, когда поэты становятся на путь иллюстрирования событий, копирования действительности, поверхностного изображения сложного и многостороннего духовного мира советских людей, их неминуемо постигает неудача. И это еще раз свидетельствует о том, что художник должен одинаково глубоко постичь как современную социально-историческую, интеллектуально-психологическую и этическую действительность, так и современную художественную культуру, чтобы творить с веком наравне.

В заключении исследования даются выводы из анализа общей картины осетинской поэзии о Великой Отечественной войне, говорится о неразрывном единстве темы войны и мира, о роли партийных документов в создании высокоидейных и высокохудожественных произведений искусства социалистического реализма.

К диссертации прилагается список использованной по теме литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

Вчера и сегодня. Сборник литературно-критических статей. Книжный сектор Юго-Осетинского издательства, Цхинвали, 1964, 9 п. л.

Война и сердце. Осетинская поэзия о Великой Отечественной войне. Книжный сектор Юго-Осетинского издательства, Цхинвали, 1966, 11 п. л.

Осетинская поэзия послевоенного периода. Известия Юго-Осетинского НИИ АН ГССР, выпуск XVI, изд. «Мецниереба», Тбилиси, 1969, 2,5 п. л.

Живее всех живых. Образ В. И. Ленина в осетинской поэзии. Издательство «Ирыстон», Цхинвали, 1969, 2 п. л.

Осетинская поэзия. Предисловие к «Антологии осетинской поэзии» в двух томах, т. I, издательство «Ирыстон», Цхинвали, 1969, 1 п. л.

შავი-მურავი არანბეგის ძე ძუწათი

დღი საგაზლო მზი

ოსურ საგომთა კოზიზი

(რუსულ ენაზე)

თბილისი 1970

БЕСПЛАТНО

Заказ № 1358.

ЭТ 00120.

Тираж 200.

Типография № 10 Главполиграфпрома Государственного Комитета Совета
Министров Грузинской ССР по печати
г. Цхинвали, ул. Московская, 5.